

Джунья
ДУМНА

Иман
КАЛЬБИ

Кавказский

ДЕМОН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Я ПОСТАВЛЮ ТЕБЯ НА КОЛЕНИ

**Джулия Думна
Иман Кальби
Кавказский Демон. Я
поставлю тебя на колени**

*<https://litres.ru/74461687>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Только что одержимый мною, самый опасный в республике мужчина по прозвищу Демон подстрелил моего жениха на нашей свадьбе. А теперь дуло его пистолета смотрит на моего отца.

- Ты знаешь зачем я пришел, Заур. Я забираю твою дочь. Она не могла достаться этому ничтожеству!

- Я ни за что не отдам Тамару такому чудовищу, как ты!- рыкнул папа.

Я больше не ждала. Колени ударились о каменный пол. Склонила голову, как делали женщины до меня сотни лет назад, когда хотели остановить кровь рода.

- Я иду с тобой, Даниял! Только остановись!

Его кадык дернулся...

Демон долго смотрел на меня. В его глазах было нечто черное. Порочное... Пальцы коснулись моего подбородка и заставили задрать голову еще выше. Наклонился.

Горячее дыхание обожгло мочку уха...

- Тебе очень идет стоять на коленях передо мной, Тамара... Как я и представлял... Сегодня ночью ты станешь моей. Не бойся, в первый раз я буду нежным.

Оглядел зал победоносно.

- Имам, соверши обряд никаха!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	58
Глава 7	64
Глава 8	71
Глава 9	77
Глава 10	86
Глава 11	97
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Иман Кальби, Джулия Думна Кавказский Демон. Я поставлю тебя на колени

Глава 1

Невеста на никахе — тишина и смирение, чистота и безукоризненность. Самое важное событие в жизни любой девушки. И сейчас оно происходило в моей жизни. Я выходила замуж за прекрасного мужчину — заботливого, участливого, влиятельного и спокойного. Этот брак предварял мой будущий быт в доме — полной чаше. Отец был спокоен. Мама, неоднократно с волнением спрашивающая, всё ли хорошо и правда ли я хочу замуж за Эльнура, тоже выдохнула. Да, это не дикая испепеляющая страсть. Зато стабильно, надёжно и спокойно. И он меня любит... Разве это не главное?

Теперь бы выдержать само торжество... Под фатой было душно, воздух пах розовой водой и горячим тестом — неизменными символами-традицией религиозных обрядов бра-

косочетания. Снаружи, во дворе, стоял гомон собирающихся гостей. Мы не стали делать шумного торжества в огромном банкетном зале. Нужно было привлечь минимальное количество внимания, насколько возможно. Семьи договорились об этом обоюдно.

Меня заберут из родового поместья отца в горах в семью жениха. Гости только родня и самые близкие друзья. Торжество семейное... Все без слов понимали, что балансируют на тонком острие лезвия... Не будить лиха...

Не провоцировать лишний раз Демона, который затаился, но... Успокоился ли?

Демон... Подумала о нем — и сердце невольно кольнуло. Стоп, Тамара.

Хватит. Это твоя свадьба... Свадьба с другим! Не опасным безжалостным бандитом, жестоким настолько же, насколько и красивым, проклятым своей красотой и харизмой... Свадьба с нормальным человеком, понятным, заботливым... С тем, чьи руки не по локоть в крови, с кем не нужно каждый день засыпать и просыпаться на пороховой бочке...

Имам читал аяты негромко, но каждое слово ложилось на грудь тяжелым камнем. «Согласен ли ты, Эльнур...» Жених,

смотрящий на меня с кроткой улыбкой обожания, ответил, как положено. Голос его был ровным, но пока чужим. Мы почти не общались... Почти не знали друг друга. Дикость, но... в моей ситуации эта из зол была меньшей... Иначе бы ждала дикость похлеще...

Я чувствовала взгляд отца даже сквозь плотную ткань. Заур. Моя стена. Его молчаливое одобрение весило больше любого благословения. Он не улыбался — на свадьбах дочерей мужчины не улыбаются. Они прощаются. А еще он был насторожен... Слишком хорошо знала отца, чтобы не считать это по его суровым, напрягшимся чертам лица... Всего на секунду наши взгляды пересеклись — и внутри что-то оборвалось. То ли в ужасе, то ли... в облегчении... Я даже не успела осознать до конца эту мысль, потому что в следующее мгновение...

Сначала удар. Глухой, животный. Потом — визг металла, треск дерева, и в дом ворвался зимний горный холод. Настоящий, предвечерний. Он принес с собой запах пороха, чужой воли и ярости...

Кто-то закричал. Женщины — высоко, тонко. Мужчины — коротко, срываясь.

Я подняла голову.

Он стоял в проеме, и за его спиной была ночь, так внезапно, так резко свалившаяся на родовое село, что я даже не поверила сначала. Вот же, всего секунду назад было светло... А теперь бездна... Черная, беззвездная. Как будто сам ад распахнул дверь и решил заглянуть на свадьбу.

Демон.

Он не суетился. Не кричал. Не размахивал оружием в отличие от его людей, которые вовсю отвоевывали пространство во всеобщей панике.

В этом и был ужас. Его спокойствие било сильнее выстрелов. На нем была темная кожаная куртка, его любимый атрибут. Следы пыли, будто он ехал долго и не собирался останавливаться. Глаза черные, с сухим пугающим блеском. Такие бывают у людей, которые давно приняли решение и больше не сомневаются.

— Сидеть, — сказал он низким, слегка хриплым баритоном, который я бы узнала из миллиарда.

Все замерли.

Все, кроме Эльнура, который резко заматерился и выхва-

тил из кобуры на талии ствол.

Демон среагировал молниеносно.

Не он первый перешел черту, но он ее подвел жирным курсивом.

Слишком профессиональный...

Выстрел прозвучал как-то глухо.

Жених рядом со мной рухнул, как подкошенный. Не красиво, не героически — просто упал, задыхаясь, хватая воздух ртом. Кровь растекалась по ковру, впитываясь в причудливые восточные узоры, которые ткали женщины много лет назад. Все смешалось: праздник, боль, стыд, страх.

Демон шагнул вперед. Еще. Еще.

И тогда он поднял пистолет на моего отца.

Я в шоке и неверии перевела глаза на Заура и едва не закричала. Папа сейчас тоже был с пистолетом, направленным на Демона...

Это было хуже смерти. Всевышний... Не дай случиться

еще большему злу...

— Заур, — сказал Демон спокойно. — Не заставляй меня... Я не хочу этого. Соберите с пола этого сопляка, стонущего, как баба. Я специально выстрелил так, чтобы только его задеть. Это предупреждение...

Он взвел курок и сделал еще один решительный шаг...

Я увидела, как у отца дрогнула челюсть. Он не опустил пистолет. Он не опустил глаза. Он смотрел прямо. Так смотрят мужчины, которые знают, что если сейчас уступят, то контроль уже не вернуть.

Мысли в голове превращались в решимость со скоростью света. Если я не сделаю это, сегодня произойдет непоправимое.

Эльнур жалобно скулил. Я смотрела то на отца, то на Демона, прекрасно понимая, что он не уйдет, пока не заберет то, за чем пришел...

— Ты врываешься в мой дом с оружием, Даниял, — резко нарушил молчание отец, — думаешь, это сойдет тебе с рук?

— Я был готов прийти с дарами. Ты сам меня отверг. Но

я здесь не вор. Я пришел за своим. Твоя семья должна Шейхисламовым. Я пришел за своим аманатом. За тем, что принадлежит мне!

Когда Даниял начал засматриваться на меня, все поняли, чем это закончится... Уже на тот момент опасный бандит, он хотел получить от нашего рода именно меня... Отец и брат сделали все, чтобы этого избежать, но... Воля этого страшного человека оказалась сильнее...

Мое тело поднялось раньше мыслей.

Я сорвала фату.

Ткань соскользнула с головы, и мир вдруг стал резким, ярким, беспощадным. Свет резал глаза. Запах крови стал явным. Все смотрели на меня — так не смотрят на невесту. Так смотрят на решение.

Я сделала шаг. Потом второй.

Колени ударились о каменный пол — боль была реальной, заземляющей. Кружево моих юбок не спасло. Я склонила голову, как делали женщины до меня сотни лет назад, когда хотели остановить кровь.

— Хватит, — сказала я.

Голос мой был удивительно твердым.

Я подняла взгляд на Демона.

— Я иду с тобой.

Наши глаза пересеклись. Его кадык дернулся...

В зале повисла тишина, тяжелая, как приговор. Все поняли. На Кавказе такие жесты не объясняют. Их принимают.

Отец сделал шаг вперед, но кто-то удержал его. Я слышала, как он дышит — тяжело, рвано. Так дышат, когда теряют дочь при жизни.

Демон долго смотрел на меня. Очень долго. В его глазах что-то дрогнуло — не нежность. Нет. Это было нечто черное. Порочное...

Он подошел ближе. Я чувствовала его присутствие кожей. Он пах дорогой, холодом и опасностью.

Горячие пальцы коснулись моего подбородка и заставили задрать голову еще выше.

По залу пронесся опасливый шепоток.

Рубеж перейден.

В присутствии людей мужчина коснулся женщины в белом платье.

Он уже поставил на мне печать...

Даниял наклонился.

Его горячее дыхание обожгло мочку уха...

— Тебе очень идет стоять на коленях передо мной, Тамара... Как я и представлял... В следующий раз только мы подстелем нечто мягкое, чтобы твои красивые коленки не страдали...

Он поднялся в полный рост теперь. Оглядел зал победоносно.

— Ты понимаешь, что это навсегда, Тамара? Ответ здесь и сейчас. Перед своим отцом.

Я на расстоянии чувствовала, какой яростью фонит от от-

ца. Яростью и бессилием...

— Да!

— Что назад тебя никто не вернет, Тамара, ты понимаешь? Ты становишься моей. Навсегда! Нас разлучит только смерть!

— Да.

Он выпрямился еще сильнее, снова оглядел зал и остановил взгляд на моем отце. Произнес так громко и решительно, что, казалось, даже стены услышали и затряслись...

— Она моя. По своей воле.

Его слова были сильнее любого договора, любого никаха. Мужчины опустили глаза. Имам отвернулся... Я осталась один на один со своим личным Демоном...

Он протянул мне руку.

Я вложила свою. С этого момента я больше не принадлежала дому, в котором родилась. Я принадлежала Мужчине, которого боится сама ночь в горах.

Глава 2

Когда я поднялась с колен, ноги дрожали, но спина была прямой.

Странная вещь — страх ушел. Осталась ясность. Такая приходит либо перед смертью, либо перед судьбой — разницы почти нет. Это тот случай, когда ты неподвластен ее поворотам.

Демон держал мою руку крепко, без нежности. Как держат то, что отстояли. Он уже сделал шаг к выходу, когда вдруг остановился.

Медленно обернулся.

Имам стоял у стены, прижав священный Коран к груди, будто тот мог стать щитом. Лицо его было пепельным. Он видел много свадеб, но не такую. Никах без музыки, без радости, с оружием вместо благословения. С раненым женихом, которому наконец стали оказывать первую помощь, стоило только всем понять, что источник его проблем теперь с другим...

— Подойди, — сказал Демон священнослужителю.

Не приказал. Просто сказал. Но этого хватило.

Имам сделал несколько шагов. Каждый давался ему как грех.

— Пожени нас, — произнес Даниял ровно, — прямо сейчас.

По дому прошел шорох — как волна. Отец резко поднял голову.

— Нет... — вырвалось у него. — Это беззаконие...

Демон даже не повернулся к нему.

— Она дала согласие, — сказал он. — При всех. Добровольно. Я уважаю твой дом, Заур. Не люблю, но уважаю. И твою дочь уважаю. Она не шлюха. Я взял ее своей женщиной. Разве ты сам не заинтересован в том, чтобы все было достойно?

Он посмотрел на меня.

— Скажи, Тамара. Скажи, что хочешь стать моей женой.

Я вдохнула. Глубоко. Так вдыхают перед прыжком в холодную воду.

— Хочу, — голос был сиплым, как из трубы, — я согласна...

Только бы быстрее все закончилось...

Слова упали в тишину и остались там навсегда.

Судьбой. Предопределением. Безвозвратностью...

Имам закрыл глаза. Его губы дрогнули. Он понимал, что отказаться — значит подписать смертный приговор кому-то еще. Возможно, даже себе. От демона можно было ожидать все, что угодно... А согласиться — значит связать два имени кровью и законом.

Он открыл Коран.

Чтение началось.

Аяты звучали иначе, чем прежде. Не празднично — торжественно и тяжело, как древнее заклинание. Каждое слово ложилось на нас печатью. Я стояла рядом с Демоном, чув-

ствовала тепло его плеча, его неподвижность.

Он не шевелился. Он слушал. Впервые для него не оружие, а слово имело власть.

— Согласна ли ты, Тамара, стать женой... — имам запнулся, потом произнес его имя.

Я повторила свое «да».

Громко. Четко.

Так, чтобы слышали горы и их духи, играющие заодно с Даниялом.

— Согласен ли ты... — имам повернулся к Демону.

— Да, — сказал он сразу.

Без паузы. Без сомнений. Будто ждал этого вопроса всю жизнь.

Имам закончил обряд. Руки у него дрожали. Он произнес последнюю формулу, и в этот момент что-то окончательно изменилось в воздухе. Я больше не была ничьей дочерью. Не была невестой другого. Я стала женой человека, чье имя

боялись произносить вслух.

Демон наклонился ко мне.

— Все, — тихо сказал он. — Теперь ты под моей защитой, царица.

Защита. Слово звучало почти иронично после выстрелов и крови, после того, что я о нем знала. Все знали...

— Ты называешь это защитой?

Он усмехнулся.

— Хорошо, пусть будет по-твоему. Теперь ты под моей властью...

Сердце сжалось в унижительном спазме.

Он показывал, что владеет мною теперь.

А когда нагло и бесцеремонно подхватил на руки, сомнений не осталось ни у кого. Щеки горели, глаза уперлись в застежку его кожанки, когда он сказал своим людям «уходим».

Они расступились мгновенно. Слаженно. Как тень.

Демон понес меня к выходу. Мимо отца. Не глядя в глаза. Мне было стыдно. Все понимали, куда он меня несет и что будет со мной делать...

Мы вышли во двор.

Ночь ударила в лицо холодом. Машины стояли с заведенными моторами. Черные. Тяжелые. Без номеров. Как звери, готовые сорваться с места в прыжке.

Демон поставил меня на ноги и открыл дверь.

Поднял голову к небу — а я автоматически за ним. Пустое в своей черноте небо еще несколько десятков минут назад вдруг стало усыпанным светилами. Звезды висели теперь низко, как свидетели. За спиной остался дом — с музыкой, которая так и не заиграла, с кровью на коврах и с отцом, который навсегда запомнит, как его дочь встала на колени перед Демоном.

— Поехали, Тамара. Ночь красивая. Мы запомним ее. Это наша с тобой первая брачная ночь... — его голос слегка дернул в хрипотцу. Взгляд стал тяжелее и ярче.

Мое сердце больно дернулось пару раз в клетке из ребер.

Решительно села в машину, не оборачиваясь на отчий дом...

Он закрыл дверь за мной сам. Обошел машину, сел рядом. В салоне пахло кожей, табаком и неизвестностью.

Мотор зарычал.

Когда мы тронулись, знакомая до боли улица медленно исчезала в темноте. Там осталась моя прошлая жизнь. Свадебные столы. Белая фата на каменном полу. Отец. Несостоявшаяся жизнь с другим...

Я смотрела вперед.

Демон вел машину сам, уверенно, будто эта дорога была ему знакома всегда.

— Ты не обернулась, — сказал он вдруг.

— Да, — ответила я.

Он усмехнулся — едва заметно.

— Значит, ты сильнее, чем я думал.

Я молчала.

Дальше будет сложнее. Опаснее. Темнее. Но назад — уже нельзя.

Никах был заключен. Ночь принимала нас в свои объятия.

— Куда мы едем? — спросила сдавленно спустя час, когда темная дорога поглотила все мои представления об ориентации. Только темнота вокруг...

— В вотчину Шейхисламовых. Теперь там будет твой дом. Советую принять его обитателей и быть хорошей, покорной невесткой...

Вздернула на него дерзкий взгляд неповиновения, но промолчала.

Сил не было... Я так сильно перенервничала, дорога так изматывала своими петляниями в крошечной тьме, что сосредоточиться не получалось... Я то и дело проваливалась в полубытие, обнимая себя руками.

Когда тело накрыла горячая куртка, окунув в его запах, встрепенулась, даже дернулась.

— Поспи, Тамара. Ты устала и перенервничала, а сегодняшняя свадьба еще далека от завершения...

Непонимающе уставилась на него.

— В смысле?

— В моем доме уже гуляет торжество...

— То есть... ты знал, что... сегодня меня забереешь?

Он хмыкнул самоуверенно. Еще бы. Это же сам Демон!

— Ни малейшего сомнения не было, Тома. Сейчас нас встретят твои новые родные, которые уже отмечают наше с тобой воссоединение. Мы примем их поздравления и удивимся...

На последнем слове я снова дернулась.

Он усмехнулся.

— Сегодня ты станешь моей, Тамара. Ты слишком хорошо знаешь меня, малышка. Я не рыцарь и не джентльмен. И слишком давно хочу тебя получить... Ничто не мешает мне

теперь тобой обладать. Сегодня я заявлю на тебя свои законные права.

Рука опустилась на мою коленку и не больно, но властно сжала.

— Не волнуйся... Я буду нежным, царица...

Глава 3

Когда подъехали к дому, я даже опешила.

Представить себе не могла, что все это было реальным — сотни человек, вереницы машин, громкая национальная музыка... Настоящий пир. И это в честь нас?

Как по мановению волшебной палочки вокруг нас, заворачивающих в переулок их дома, выстроились десятки машин, в унисон начавших гудеть в клаксоны. Это тоже одна из наших традиций — когда свадьба шумная и достойная, невесту забирают из дома и привозят в дом мужа именно так...

Остановились. Вокруг тут же послышалась стрельба — палили в воздух. Папа всегда жуть как раздражался этой традиции — небезопасно, дико, да еще и пуля на излете может в лучшем случае пробить твое лобовое, а в худшем — тебе череп...

— Хватит, — рявкнул Даниял, ловко обогнув машину и открыв мне дверь.

Протянул руку.

Когда я нерешительно ему доверила свою, усмехнулся.

Пошли внутрь.

Клокотала обида. Уже отпустил страх за родных. Дорога смогла выветрить из мозгов аффект, который двигал меня подчиняться этому мужчине. Пришел откат, и с ним осознание — я теперь принадлежу этому бандиту, и он может делать со мной все, что угодно...

Моя история с Демоном сложная и тянется не один год.

Еще пять лет назад мы считались кровными родственниками, по сути выросшими в одной семье. Я воспринимала Данияла как своего двоюродного брата. И потому, когда ненароком ловила на себе его еще тогда мальчишеские заинтересованные взгляды, шокировалась...

Знала, что в старину такие браки были уместными в нашей культуре, но они давно канули в лету... Кровосмешение — это не только странно, это еще и вредно генетически! Да что уж говорить — это просто чудовищно! Кто вообще на такое пойдет?!

А дальше случилось совершенно невообразимое! Мы все

вдруг разом узнали, что... Даниял нам не родной... Его отец, мой любимый дядя Рамил, был не родным сыном моего двоюродного дедушки Батыра... Оказывается, в свое время он взял его в свою семью как аманат... Сын врага, выросший в нашем тухуме... Никто никогда об этом не говорил. И ведь мы все любили дядю Рамила как родного. И он так же нас любил... А потом появился Даниял со своими амбициями и решил вдруг все переиначить на свой лад...

Страшнее было то, для чего он это сделал...

Я узнала это в один из знойных августовских вечеров. Мы догуливали последние недели каникул. Отдыхали у родных в горах, где все жили на одной улице. Окно в мою спальню было открыто — слишком терпко было. Словно бы сама земля гудела и не успевала перезагрузиться перед очередной порцией поздней летней жары.

Взвизгнула, когда с улицы через окно в комнату прилетела белая мужская папаха... Я знала, что это означает... Не просто проявление симпатии. Таким образом испокон веков на Кавказе обозначали свои чувства и планы.

Следующее мгновение — еще один вскрик цепляется за горло нарастающим страхом. Потому что в окне вдруг появляется Даниял... По тутовнику, который прилегал к дому,

забрался.

В неизменном черном, волосы вкручены в гульку. Папа уже тогда бесился от его прически... Смотрит одержимо... Я переходила в одиннадцатый класс и в целом уже приобрела все те составляющие, что делали меня объектом интереса мужчин...

— Ты что творишь? Быстро вали! — зашипела я, боясь привлечь внимание брата или отца, которые были в доме на первом этаже. — Даниял! Совсем ополоумел!

Он лишь усмехнулся. Ловко спрыгнул в комнату, поправил черную кофту.

— Скучаешь, царица?

Даниял с детства любил меня так дразнить. Как в школе прошел лермонтовского «Демона», называл только так. А я бесилась. Потому что это так примитивно — говорить «царица» только потому, что меня звали Тамара. Потому что в это его «царица» было вложено столько превосходства и вседозволенности. Он этим словно бы намекал мне, что у него на уме... Все время намекал... Даниял всегда был тем еще развращенным типом...

— Я повторяю тебе, ты что задумал?

Скалится. Наступает.

— Знаешь что... Моей будешь, Тамара... Замуж за меня пойдешь...

— Ты прекрасно знаешь, что отец меня за тебя не отдаст, и правильно делает. Оставь меня, Даниял. Это все дикость...

— Мы не родные, — осекает он меня и смотрит так победоносно, что я аж осаживаюсь на край кровати.

— Что ты несешь?!

— Я не из вашей семейки, оказывается. Моя законная фамилия Шейхисламов. Мой отец стал аманатом Батыра. Он убил моего настоящего деда и забрал меня себе, чтобы никто из моей настоящей семьи не убил в ответ... Остановил так кровь родов. Вот только я на это не подписывался...

— Даниял... — сипло произношу я, не веря ему, — о чем ты говоришь? Ты ведь вырос с нами... Дедушка Батыр... он ведь души в тебе не чаял... Твой отец... Он ведь любимчик... Если кому и было протестовать, то ему...

— Он слабак! — осекает меня Демон. Да, тогда он уже стал Демоном... Уже начал промышлять темным и незаконным, что несказанно раздражало всех мужчин в нашей семье, и они ненароком называли его «паршивой овцой»... — он даже после того, как узнал, не стал ничего делать! А ведь я ему открыл глаза!

Ужас внутри только удваивается...

— Что ты сделал? Ты сказал своему отцу?! У него сердце болезненное... Даниял... Ты... Ты чудовище...

— Я сказал только правду, Тамара. Ничего кроме правды... То, что он отказывается ее принять, его проблемы... Но суть не в этом. Ты же понимаешь, почему я это сделал и пойду до конца?

Я нервно сглотнула.

Даниял в два счета преодолел расстояние между нами. Теперь он возвышался надо мной, трясущейся на краю кровати...

Опустил руку на щеку, погладил.

— Наступит день — и мы снова с тобой окажемся в таком

положении. Ты так же будешь смотреть на меня снизу вверх, малышка Тамара... Запомни два слова: ты моя. Считай, что это твое спасение и проклятие. Считай, что это твоя карма. И никуда ты от нее не уйдешь. Я разорвал любую связь с семьей, которая меня воспитала, из-за тебя. Потому что ты должна быть моей. Кто будет этому мешать, окажется в аду... Ты не сбежишь от меня... Я тебя везде достану. Что бы для этого ни пришлось сделать... Это лишь вопрос времени. Живи с этим и жди, когда я приду за тобой...

Он бросил взгляд на папаху, все еще валявшуюся в углу комнаты, и был таков. Я застыла, как истукан, не в силах пошевелиться. Страх и ужас от осознания всего, что услышала, растекался по венам вместе с застывшей кровью... Прикрыла глаза и тихо всхлипнула... Последствия действий предавшего нас Демона легли тяжким грузом на всю нашу семью и на несколько лет отвратили нас от общения с моим родным братом Заином, но... это уже другая история, и она в прошлом. Настоящее же было сейчас передо мной. Воплощенное в шумное гуляние в семье наших исторических врагов — Шейхисламовых...

— Веди себя кротко, Тамара, — сжал руку Даниял, — ты невестка в этом доме и должна слушаться. И меня, и всех его женщин...

Я бросила на него испепеляющий взгляд. Злость, помноженная на беспомощность, начинали пениться в крови.

Мы пересекли порог через широкие ворота под улюлюканье и аплодисменты. Барабаны били так сильно, что каждый удар давил на перепонки. Я быстро окидываю взглядом собравшихся. Такого же бандитского вида мужики — явно из логова Демона. Цепкие взгляды, хищные, победоносные. Смотрят исподтишка плотоядно. Все понимают, как он меня выкрал и что будет сегодня со мной делать... Тетки... Смотрят зло, с ненавистью... Тут мне явно не рады. Не знаю, на что рассчитывает Даниял — думает, я смогу ужиться со змеюками Шейхисламовых, впитавших молоком матери ненависть к моей семье?!

Из толпы вдруг выделяется одна из теток лет сорока. Ее волосы чуть подернуты перышками перекиси, торчат из аккуратно повязанного брендового платка. Здесь всегда любили вычурную показную роскошь. Она держит в руках хрустальную пиалу, доверху наполненную медом.

Зачерпывает его ложкой и протягивает Даниялу.

Традиция такая. Мать мужа должна вот так накормить молодых как знак того, что приняла в семью.

Только это не его мать! От своей матери, жены дяди Рамила, он тоже отказался! Это Дакана, его тетка по линии родного отца. Ненавижу ее. Помню, как как-то мы случайно пересеклись в одном из республиканских модных бутиков. Она назвала меня тогда самой страшной во всем семействе и посоветовала поменьше есть, мол, для моих лет у меня слишком округлый зад. На это я ей тогда сказала, что на палки зарятся только собаки, а они меня не интересуют. Я слишком благородных кровей...

И вот, теперь она стоит и смотрит на меня победоносно, потому что ее новоявленный родственничек преподнес меня к ней на блюдечке с голубой каемочкой и бантик красный сверху повязал... Ненавижу!

— Добро пожаловать, Тамара! — выдавливает из себя улыбку, хоть и не без превосходства. — Вижу, ты последовала моему совету и зашила свой рот... Предлагаю все же постараться и его хотя бы немножко распустить — наш Даниялчик оказал тебе честь, приведя в свой дом. Я на правах главной женщины желаю ему счастья. Будь покорной и покладистой. Безотказной и хозяйственной. И тогда, возможно, пребывание в этом доме не будет для тебя столь невыносимым...

— Дакана, — предупредительно осекает ее Демон. Спа-

сибо, конечно, но...

Я оглядываю шикарный двор особняка. Примечаю на ходу тонкий дизайн и бьющую через край роскошь.

— Это твой дом, Даниял? — спрашиваю его, оборачиваясь.

Все замирают. Даже музыка становится еще тише. Вообще, у нас не принято вот так смело заговаривать при людях с родным мужем.

— Да, Тамара, — почему-то его губы чуть заметно ползут вверх. Иногда мне кажется, что он нарочно меня испытывает и провоцирует... Всегда так казалось. С детства...

— Красивый дом. Правильно понимаю, что я буду тут жить с тобой?

— Правильно понимаешь, — уже улыбается в открытую.

— То есть, если я твоя жена, то я тут хозяйка?

— Милочка моя, — осекает меня Дакана, — это звание еще нужно заслужить... Ты пока...

— Я пока, — перебиваю ее, — а вот ты ни пока, ни уже... Кто ты такая, чужая женщина, чтобы совать мне в рот мед, притворяясь его матерью?! У него есть мать! Мать, которая рожала его, пеленала его, кормила грудью, растила и учила и первым шагам, и первым словам. Мать, у которой болело сердце за первые его опрометчивые поступки и сумасшествия! Вот этой женщине я готова ноги мыть, а ты, самозванка, вон пошла из моего дома!

На этих словах, под шипение и пересуды, я резко выхватила из ее рук мед, сама зачерпнула щедрую ложку и проглотила, едва не подавившись, но не подав виду. Терпеть не могла с детства мед...

— Ты... ты... — начала она шипеть, — да как ты посмела?! Даниял! Скажи ей! Немедленно! Ты позволишь ей вот так меня ослушаться?!

— Муж мой, — посмотрела теперь на Данияла, — почему же ослушаться. Что там только что сказала Дакана? «Я пока»? Правда, «я пока...» Не вижу смысла с этим тянуть. Сделай меня «уже», чтобы ни у кого не было сомнений покуиться на мой статус твоей жены...

Мой наглый, я бы даже сказала, крайне провокационный прямой намек поверг всех присутствующих в совершенней-

ший шок.

То, что я говорила, как я сейчас дерзила, было совершенно немыслимым. Признаться честно — я и сама от себя не ожидала. Просто слишком много эмоций внутри застряло. Просто слишком вывела из себя наглая физиономия этой Шейхисламовой.

Когда я подняла-таки глаза на Данияла, пульс забился с дикой скоростью.

В его глазах...

Всевышний, сколько же всего было в его глазах... Там был азарт, дикость, веселье, предвкушение и... дикая ярость...

Конечно же, там была ярость...

Как ни крути, как ни обставляй словами, а я сейчас катком прошлась по его настоящему роду... По нему...

Боль прикусила губу, когда он схватил меня на руки и быстро понес в дом. Музыка позади так и не начала играть заново. Немая сцена от шока затянулась. Страшно представить, какими слухами разрастется моя выходка уже завтра...

— Дерзкая. Неприрученная... — прохрипел он, когда мы поднимались по лестнице. — Ничего... Я на то и рассчитывал. Поставлю тебя на колени, Тамара... Как же давно я этого ждал...

Глава 4

Едва мы оказываемся в огромной спальне на втором этаже и за нами хлопает массивная дверь, я яростно бью Демона по груди.

— Немедленно пусти меня! — смотрю дерзко и с вызовом.

Внушаю себе, что я его не боюсь. Не боюсь! И пусть одно только имя его наводит ужас на всю республику, я знаю его с детства! Не верю, что он причинит мне боль, хотя его глаза... Говорят об обратном...

— Не то что?

— Кричать буду!

Ржет, как конь.

— Будешь, Тамара. Это я тебе гарантирую. Всегда и до всхлипов...

— Урод пошлый... — выплевываю презрительно и тут же

ойкаю, потому что он бесцеремонно швыряет меня на кровать.

Отшатываюсь и упираюсь прямо в изголовье, когда Демон нависает сверху коршуном. Смотрит хищно. Расстегивает рукава, потом пуговицы.

Мгновение — и передо мной его идеальный торс, которым, словно бы решеткой для стирки, можно до бела отшлифовать белье.

— Ты что, проглотил сетку? — спрашиваю, неверующими глазами рассматривая его словно бы выточенную из камня фигуру.

Он видит мой изумленный взгляд и усмехается.

— Нравится? Старался для тебя, царица, в качалке. Ты тоже давай не робей. Сама же верещала при всех, что пора уже переходить к статусу «уже».

— Я играла на публику! — осекаюсь я и, наоборот, пытаюсь натянуть корсет повыше. Очень уж в такой позе его бесстыжим глазам доступны полушария моих грудей.

Демон кривит лицо, когда видит мои потуги.

Пищу, как мышь, когда одним махом оказывается рядом и... рвет на мне корсет! Вот так нагло, дико, возмутительно! По-демонски!

— Ты что?! Ополоумел?! Я не дамся тебе! Что тут непонятного?

Опять кричу, когда он дергает меня за ноги и оказывается прямо на мне.

— Нет, ты не решетку проглотил, а бетонную плиту, — на мне реально сейчас словно бы каменная глыба. Ударь — не почувствует, а вот мой кулак отвалится!

— А ты две дыни... Тугие и сладкие... — сипло выдыхает, а я захожусь в возмущении... Это он... вот же хамло!

Губы Демона, его порочные, изогнутые то ли в усмешке, то ли в похотливом угаре губы, совсем рядом. Мне не нравится, что их вид меня гипнотизирует.

Я бы хотела их коснуться.

Как в фильмах...

Как представляла себе...

Не его, конечно...

Нет-нет! Только не Демона! Просто представить, что эти идеальные губы не его...

Он хватает мои руки, тщетно упирающиеся в его грудь, и запрокидывает их над головой. Я обездвижена. И он между моих ног.

Ну, не может все так прозаично и нелепо закончиться...

Дышит тяжело. Смотрит с темной поволокой...

— Капец ты там при людях натрындела, Тамара... Ты понимаешь, что так нельзя? Что за твою выходку я должен тебя наказать? — дышит тяжело. Возбужденный и злой...

Но есть и еще кое-что в его эмоциях, что почему-то я так рьяно, так отчетливо считываю...

Он в эйфории.

Это так видно.

По тому, как жадно дышит моим запахом. По тому, как алчно трогает глазами.

По тому, как начинает трогать теперь еще и руками.

Под корсетом белая тонкая сорочка. Через нее просвечивают соски.

Он ловит их через ткань руками и скручивает.

Я кусаю губы в кровь. Верчусь, как уж.

Когда нагло накрывает окружности руками, делаю это еще более яростно.

— Лежи смирно, Тамара. Я трогаю то, что теперь принадлежит мне...

Ему нравится вот так указывать мне на мое место.

Когда тонкая ткань жалобно трещит, становится реально страшно...

Похоть мужчин — как тлеющий пожар. Ее очень просто разворошить до настоящего стихийного бедствия, если подпитать горючим... Так всегда говорила бабуля, когда преду-

преждала, чтобы я не очень-то гарцевала перед мужчинами, когда подросла...

Сейчас ее предостережения обрели наглядное воплощение.

Глаза темнеют, когда открывает меня для себя. Тихо матерится, а я всхлипываю, потому что не могу свести руки — он держит их в захвате одним своим кулаком.

— Прекрати, Даниял! — пытаюсь воззвать к его совести.
— Ты же не станешь этого делать!

— Не стану?! — хрипло стонет. — Да я все сделал именно для этого! Неужели ты думаешь, что меня что-то остановит?!

— Думаю, что да... Я тебя остановлю! — пытаюсь звучать строго, но... выходит пока только жалко.

— Ты-то как раз и не сможешь остановить, наивная! Лежи и принимай покорно!

Меня как током прошибает.

Я отшибленная на голову немножечко, наверное. Потому что в самый неподходящий момент пытаюсь приручить зве-

ря. Но другого выхода у меня нет. Это уже не цирк. Это реалити-шоу в диком лесу... На выживание.

— Ты хочешь моей покорности? — заглядываю в его глаза и замираю. — Или желания?

Демон зависает. Можно даже сказать, словно бы кадр замирает, как в фильме.

Лицо темнеет на глазах. Скулы обостряются.

Кулак выпускает руки, но... та же ладонь смещается на шею и ощутимо так сдавливает.

— Что ты знаешь о желании, Тамара?! — верхняя губа дрожит. Ну точно зверь... потусторонний... — Что у тебя было с мужчиной?!

Вот же дурак... Как будто отец бы дал кому-то подойти ко мне на пушечный выстрел. Он убежден, что после моей матери самая красивая и всеми желанная особь женского пола на свете — это я. И потому даже среди домашних животных мы всегда заводили только самочек. Наверное, коты тоже имели все шансы в меня втрескаться...

— Если ты... если ты себя для меня не сберегла... Если ты

уже не девушка, я убью тебя...

Его слова колют душу. Я-то знаю, что он точно не хранил целибат... Как же бесят эти кавказцы... И никогда мы не уйдем от этого неравенства...

— Ты все как всегда неправильно понял... — выдыхаю ему в губы. — Я не про то, что было, Даниял. А про то, что будет... Кого ты хочешь — покорную или желающую? Ту, кто с тобой из долга или... из страсти... Неужели я в тебе ошиблась?

Рука на шее сжимается сильнее...

— Ты слишком острая на язык для целки, Тамара... Что делал твой рот, кроме того, чтобы трещать о всякой ерунде...

— Декламировал стихи великих поэтов как минимум, — парирую ему. — Не путай эрудицию, просвещенность и... опыт... И да... Я, конечно, интересовалась тем, как это бывает — между мужчиной и женщиной... Я люблю читать любовные романы и классику, психологию и... просто биологию. Мне интересно мое тело, и... в этом нет ничего зазорного. Я вообще-то учусь на врача...

— Порно тоже смотрела? — спрашивает, щурясь.

— Исключительно в научно-просветительских целях, — скидываю подбородок.

Вот, сейчас рванет...

И да. Он начинает ржать. Громко и раскатисто. Качает головой...

— Тамара... Ты же дотрындишься... Ты понимаешь это?

— Но я ведь теперь твоя жена... А тебя все боятся. Значит, сейчас настал золотой час моего триндежа... Буду триндеть — и мне за это ничего не будет...

— А меня ты не боишься? Не боишься мне натрындеть так, что потом сама охренеешь?

Сердце неистово лупит по грудной клетке. Он так и лежит на мне — максимально напряженный, возбужденный, давящий мне в живот чем-то твердым и огромным, о чем я догадываюсь чисто «научно-просветительски»...

— Вот тут-то мы и возвращаемся к началу... Если я буду не просто покорной, а желающей, то.... И «охренеть» не страшно... Я читала... Насилие в форме ролевых игр во всех его формах, включая наказания, жесткий секс, похищения и... даже изнасилование — это норма, когда люди знают свои границы и желания... Когда все обоюдно обговорено.

Я вижу, как на глазах его зрачки становятся размером с весь глаз.

— Бесстрашная... Она мне говорит про жесткий секс и изнасилование, когда я лежу на ней, задери юбку и...

— Я пока не готова... — выдыхаю. — Я пока тебя не хочу, Демон... Я боюсь... Я...

Он не дает договорить.

Нападает на мои губы так яростно и страстно, что я ору в ответ.

Но крик тонет в его натиске, слюне, вкусе...

Его язык везде.

Это первый в моей жизни поцелуй. И, черт возьми, он такой пошлый, такой порочный, что пальцы на ногах поджигаются. С разбегу, нахрапом, без предупреждения.

Это дикость. Дикость, на которую способен только этот по-демонически нереальный человек.

Он отрывается от меня спустя вечность. Когда я сама уже дезориентированная и невменяемая. Губы горят. В грудной клетке — пылает в унисон...

Отрывается насильно, преодолевая себя. Когда начинает говорить, я даже его тон не узнаю. Он совсем осипший.

— Ты будешь желающей, Тамара. Это я тебе гарантирую. Будешь такой течной самкой, что любая просмотренная тобой порнуха в «научно-просветительских целях» отдыхает. Умолять меня будешь тебя трахать снова и снова...

Резко встает.

Настолько резко, что я сейчас вдруг чувствую, как меня обдает холодом.

Прикрываюсь, словно бы отмирая от странного сна...

— Отдыхай, Тамара. Завтра утром по традиции будешь готовить моим друзьям хинкал...

— А ты... куда? — спрашиваю сипло.

Демон усмехается и полосует по мне своим взглядом-вызовом.

— К гостям! Отмечать факт того, что сделал тебя женщиной...

— Но ничего же не было...

— Еще не поздно переиграть, — деланно разворачивается ко мне.

— Нет-нет! Я не о том! Просто... Нужна же простынь... Как доказательство...

Он хмыкает.

— Завтра организуем утром. Сейчас скажу, что ты так измощена, что я пожалел стягивать тебя с кровати и стаскивать простынь...

— Тебе не поверят, — говорю чисто для того, чтобы повредничать. Потому что от всей ситуации щеки пунцовые.

Он опять ржет.

— Ты так стонала, орала, брыкалась и исполняла, что еще как поверят... Скажу, что ты горячая штучка и строптивая. И что пришлось укрощать тебя пару раз...

— Уродец...

— Если я Уродец, то твои дети будут Уродовичи...

Закатываю глаза. Его же с детства было не переспорить... Остается только кинуть в него подушку. Последний отчаянный жест...

Подушка, разумеется, в него не попадает, а аккуратно врезается в закрытую дверь, которая за ним хлопает.

Бой выигран, но, конечно, не война...

Глава 5

— Просыпайся, Тамара, у тебя работка! — слышу командный женский голос и громкий стук в дверь, который возвращает меня к реальности из цепких и теплых лап сна. Там я была дома, радовалась и смеялась. А настоящее утро теперь накрывает зябким ужасом и воспоминаниями о том, что было накануне.

Я уже не сплю, к сожалению. Похищение, устроенное Демоном, более чем реальное... Я в его логове, и что будет дальше, понятия не имею.

Вспоминаю вчерашний кураж и мою дерзость — самой не верится, что я так могла... И с Даканой, и с ним потом тет-а-тет... Сейчас, кажется, не хватило бы смелости...

На мне все еще обрывки свадебного платья, купленного для счастья с другим. Его вчера безжалостно разорвал Демон. Это я сейчас про счастье...

Подхожу к гардеробу и к своему величайшему облегчению нахожу кучу новой женской одежды с бирками. Конечно, если он даже торжество начал гулять раньше, чем меня выкрал... Понятно, что и о чемодане (прим. — так на Кавказе называют подарки стороны жениха невесте в виде украшений и одежды) позаботился заблаговременно.

Наспех натягиваю удобный, практичный, закрытый и скромный шерстяной костюм из брюк и длинного свите-

ра-туники под горло. Волосы заматываю в гульку. Иначе и не получится. Прическа, сделанная именитым мастером, превратилась в гнездо. Разбирать волосы и тем более их намыывать сейчас не хочу... Собрала, как получилось. Выдохнула и решительно шагнула в преисподнюю...

Никто у двери не стоял и не ждал меня. Казалось, только просыпавшийся дом жил своей жизнью. Я слышала множество голосов снизу — женские и мужские, какая-то возня, открывание и закрывание дверей. У родителей тоже огромный дом, но там всегда камерно, а здесь... Словно бы не было уединения что ли...

Спускалась осторожно. Пока не ступила на пролет, выходящий в гостиную, и не наткнулась на взгляд женщины в платке — живой, но цепкий.

— Проснулась оперативно, молодец, Тамара, — сказала она, не стесняясь оглядев меня. — После того, что ночью он с тобой делал, могла и еще поваляться в постели. Это я просто заблаговременно к тебе постучала. Ребята Данияла рано просыпаются.

Вот же черт. Не врал, значит. Наговорил с три короба про нас...

И что это за ребята такие?! У него тут что, республика ШКИД?

— Идем на кухню, покажу масштаб работ...

Я вздохнула, но, справедливости ради, не горько. Готовить я любила. И вообще, считала это дело отнюдь не низко-

пробным занятием домохозяйки.

Еда, если хотите, это та еще калибровка и искусство. А в каком-то смысле еще и математическая точность. Обожала сложные многосоставные рецепты. Они тренировали руки, словно бы на операционном столе, и в то же время освобождали мозг.

— Традицию ты знаешь, наверное, — продолжала она. — В холодильнике все продукты. Ты должна приготовить завтрак мужу и его друзьям. Вернее, по традиции это хинкал, но... у них вся жизнь все время где-то, вечером могут другие дела быть. Так что накормишь их за завтраком...

Закатила глаза непроизвольно. Вот же гад. Он ведь нарочно издевался.

Понятное дело, что могла я никого не кормить. Уже никто эту пресловутую традицию с хинкалом не соблюдал, да и вообще, все новобрачные обычно сразу улетали в медовый месяц, но... Демону ведь нужно было меня снова задеть...

— Тебе помощь нужна? Пока никто не видит, давай за тебя что-то сделаю, девочка моя, — вдруг мягко произнесла женщина, видимо, проследив за моим рассеянным взглядом по продуктам на полках холодильника.

— Нужна, — произнесла я вдруг. — Во-первых, скажите, как Вас зовут. В Вашем тоне есть человечность в отличие от всех остальных обитателей этого Царства мертвых. Так что помощью будет уже то, чтобы я знала, как обратиться к единственному «человечному человеку»...

Женщина усмехнулась.

— Не питай по поводу меня иллюзий, Тамара. Меня зовут Калимат. И я младшая сестра Бахи. Того самого, которого убил твой родной дядя, — меня как кольнуло в этот момент. — Когда все приключилось, я была новорожденной и самой драмы не видела. Зато выросла с четким осознанием, что твоя семья — нам враги. Впрочем... Что до того, что там слышит и думает женщина. Наш удел — принимать волю мужчины. Сейчас по воле мужчины ты в этом доме, и ты уже не враг. Ты его женщина. И потому я буду тебе помогать. Повторю, нужна помощь какая?

Я снова выдохнула и вытащила из холодильника яйца и кефир. По наитию открыла одну из кухонных полок, обнаружив там белую муку. Так же оперативно нашла большую миску для замешивания.

— Мне бы еще соду и... — сглотнула сонливость. — Если Вы сварите нам два кофе, я буду очень благодарна. У нас дома кофемашина, я сто лет кофе не варила, а глаза... сами склеиваются.

Она улыбнулась и даже хохотнула. Так, быстро, я бы даже сказала, мельком.

— Не переживай, кофе тебя такой научу варить, что он выпьет и в его гуще увидит, что кроме тебя в его жизни больше не может быть других женщин. Всех лесом пошлет... И самых красивых, и самых умелых, и самых бесстыжих...

Я с удивлением уставилась на Калимат, застыв с уже вы-

пачканными в муке руками. А разве может быть иначе? Какое-то странное, неприятное чувство царапнуло по душе...

Я по умолчанию думала о Данияле как о во всех смыслах извращенном, опытном мужчине, но... почему-то мысль о том, что в его жизни здесь и сейчас могут быть другие женщины... Она вдруг показалась слишком реальной и слишком болезненной... Настолько, что в глазах потемнело...

— Все хорошо? — спросила вдруг Калимат, возможно, увидев, что я качнулась.

— Мне бы еще соду, — произнесла я, делая лунку в горке муки и заливая туда кефир.

Спустя час, под искренние восторги взрослой женщины, стол в гостиной был накрыт. Ароматная зелень, порезанные свежие овощи, соленый сыр и... король утренника-вечеринки, дымящийся хинкал, гордо поданный горкой в паре с отваренной парной бараниной.

Первым в зал вошел Демон. Вошел и замер. Я как раз в этот момент сервировала приборы на последней тарелке.

Калимат сидела в кресле-качалке и рассказывала мне что-то про наглых ласок, которые повадились в хозблок хозяйничать каждую ночь.

Застыл на пороге. Оглядел картину маслом.

— Это все она сама, внучок, — произнесла словно бы с гордостью Калимат. — Не подпустила меня к столу... Пойду-ка я проверю этих наглых ласок, кстати. Что там за ночь наворотили...

Понятное дело, «ласковый» повод свалить от нас, оставив наедине.

Подходит. Продолжает сонно-недоуменно таращиться на стол...

— Ты ведьма, Тамара? — слишком вдруг близко прижимается сзади. Опять вся его черная энергетика на мне... — Про хинкал был подкол. Я думал, ты будешь спать и вообще готовить не умеешь...

— Ну, ты сначала попробуй. Может, и правда не умею... А с потусторонними силами в нашей семье ты дружишь, Демон...

Он разворачивает меня к себе. Дышит порывисто.

Ночь прошла, но эта кипучая дикость, напряжение, исходящие от его тела, никуда не делись...

— Не называй меня Демон, Тамара. Я не хочу быть для тебя Демоном. Ты просто пока не понимаешь всего смысла... — гладит по щеке. — И надеюсь, не поймешь...

— Это угроза?

— Это наставление. Вчерашнюю твою дерзость я прощаю только потому, что ты была в шоке... Впредь не ставь под вопрос мой авторитет в присутствии других... Усекла? — слегка сжимает подбородок, заставляя приклеиться взглядом.

Так, вдох-выдох. Не обостряй, Тамара. Ты ведь пока не готова к следующей битве...

— Я хочу поехать к родителям.

— Исключено, — режет он категорично.

— В смысле?

— Пока это исключено.

— Даниял! Я хочу дать знать маме, что все хорошо! Ты что ли вообще бессердечный человек?!

Его челюсть напрягается.

Щурится.

— Тебе в комнату сейчас принесут новый телефон. Можешь с него написать матери. Кратко. Исходи из того, что всю твою переписку я вижу.

Воздух в легких пенится и кипит. В смысле?! Он что, собрался контролировать каждый мой чих?!

Нервы скачут, как ноты на нотном стане.

— Мне нужно поехать домой, Даниял! Забрать вещи и учебники! У меня через неделю сессия.

— Ты перестаешь учиться. Временно. Я уже распорядился, чтобы тебе оформили академ.

Нет. А вот это уже красная линия. Я со всей силы бью его по плечам.

Ярость зашкаливает.

— Не смей... — шиплю дико. — Я не позволю вот так прохаживаться по моей жизни... Я буду учиться...

— Тамара, — устало тянет он, — я ни хрена не выспался, потому что мне пришлось уйти из нашей спальни, чтобы я ночью тебя не растерзал, и потому сейчас твое мозгоклюйство очень раздражает. Поговорим потом об этом. Учиться ты пока не будешь. Возьмешь паузу. Это логично. Если не

понимаешь сама, я тебе объясню, но потом. Хинкал остывает.

Хинкал у него остывает? Серьезно?! Он сейчас про хинкал?!

Резко делаю рывок к столу. Да сейчас этот хинкал окажется на полу с битой тарелкой!

Вскрикиваю, потому что он просто молниеносно перехватывает руку и вжимает в себя.

— Я сказал тебе, не делай дебильных вещей на людях, чтобы мне потом не приходилось тебя наказывать, — шипит горячо в ухо. Злой.

Вот только я злее. Настолько злая, что внутри кислота плещется.

— Я ненавижу тебя... — шиплю через зубы, едва ли не плача. — Просто ненавижу. Будь ты проклят, Демон...

— Я уже проклят, — говорит он, сжимая мою талию, фиксируя. Другой рукой берет вилку и накалывает хинкалину. Макает ее в аджику и пробует. — Я же говорю, ведьма... Очень вкусно, Тамара. Признаться, многого от тебя ожидал, но не этого. Хорошая девочка. А теперь поднимайся в комнату и не отсвечивай. Вообще, твоя задача — минимально светиться перед моими ребятами. Они в первой половине дня часто бывают в доме, потому что ночью дежурят для безопасности. Там тебя ждут подарки. Вчера скомканно все вышло. Я не успел передать ничего из того, что для тебя приготовлено. Вечером постараюсь быть пораньше. Поговорим.

На последних словах разворачивает к лестнице и сильно шлепает по заднице.

Ненавижу. Ненавижу его!

И не забываю это ему сказать.

Поднимаюсь наверх и яростно раскидываю все десятки брендовых дорогуших пакетов, которые уже занесли мне в комнату. К чертям его подарки паршивые! Он смысла жизни меня только что лишил! Я мечтала быть хирургом! Это не шутки.

Замечаю последний пакет — он с телефоном.

Быстро распечатываю, врубаю. Хочу набрать матери и излить ей душу.

В последний момент зависаю над вызовом. Нет... Нельзя показать ей, как мне сейчас плохо. Ее сердце не выдержит. Отец, должно быть, вообще с ума сошел.

Напишу, что все хорошо. И пишу.

Спустя минуту с неизвестного номера приходит сообщение.

«Хорошая девочка. Умная. Запиши номер. И запомни. Он для тебя теперь самый главный.»

Откидываю раздраженно телефон. Гребанный Демон. Реально, видит все мои сообщения. Это он ведь на то, что я матери написала, ответил...

Беру снова телефон и так его и заношу в контакты: «Демон».

Да, именно Демон. Никакой он мне не Даниял...

Глава 6

Зла на него не хватает. Целый день внутри кипит котел из масла, в котором жарятся и постепенно превращаются в канцерогенные мои претензии к нему.

Шок принятия того, что я теперь в этом доме, понемногу отступает, отдавая бал другим ощущениям — он вообще-то лишил меня самого главного! Я теперь без любимой профессии, в которую уже вжилась, хотя еще даже не доучилась. Но ведь хирургия — это по любви... А я... я словно бы сейчас по рукам связана. Словно бы мой мозг в клетку заперли.

Сто раз прокручивала в голове слова, которыми собиралась обрушиться с претензиями на Данияла, но...

Этот чертов говнюк все не ехал и не ехал. Смотрела в окно, каждый раз дергаясь, когда ворота скрипели. Но они снова и снова впускали и выпускали черные тонированные джипы — и интуиция не обманывала. Бруталов было много, но их предводителя не было.

Одиннадцатый час, двенадцатый...

Калимат между делом подходила к двери в районе пяти вечера, предлагала поужинать, потом повторила приглашение, уже позвав на чай, но я строила из себя обиженную и оскорбленную, уйдя в молчанку со всеми...

Короче, немудрено, что сон начал забирать свое...

Как это всегда бывает, чем больше негатива ты испытыва-

ешь в реальности, тем позитивнее и слаще бывают твои сновидения. Золотая формула подсознания, работающая в обе стороны.

И потому мне снилось нечто совсем не похожее на реальность. Я улыбаюсь. Да нет, я даже смеюсь — звонко, с переливами, притягательно... Я прямо сильно себе в этом сне нравилась. И не только себе... Мужчина... Темный, властный, сексуальный, притягательный. Старше, сильнее, могущественнее.

Он наклоняется, шепчет страстно, и в то же время нежно, как сходит по мне с ума, горячие руки гладят по голым ногам, пульс тарабанит толчками в сердце.

— Все равно будешь моей... — горячие губы у уха, наглые руки на бедре, и мне, черт возьми, не хочется их отталкивать... Мне хочется, чтобы он продолжал... — Все равно, Тамара...

Сознание становится более сконцентрированным. Я фиксирую глаза, словно бы подбираю более четкий ракурс. Морок сна развеивается. Аж вскрикиваю, когда понимаю, что этот темный образ во сне... Демон! Раздражающий, бесячий, деспотичный...

И его рука реально на моем бедре, а губы шепчут непотребства... Невозможно...

— Немедленно убери от меня лапища! — брыкаюсь, как коза. Резко выставляю вперед ступню, упираясь ей в его грудь.

Так и застываю. В этом моем жесте есть нечто властное, с превосходством. Я словно бы снова тестирую границы.

Мы оба зависаем на моменте. И как он смотрит! Как смотрит на мои голые ступни, на мою лодыжку... И какого черта ночнушка так задралась?!

— Тебе нравилось, — порочно растягивает губы. — Ты хохотала и выгибалась, когда я касался тебя, Тома...

Голос вибрирующий и низкий. А еще от него легкий амбре коньяка. Что-то дорогое и тяжелое. Мне не нравится этот запах. Так пахнут далекие мужчины, избалованные вниманием женщин... Это как тот, к которому известная певица бежала по полю снежному... Далекому и грешному... Острая ревность предательски давит на грудь, за что я сильнее давлю на его грудь своей ступней.

— Вон пошел! Деспот!

— Тамара... — перехватывает ногу и сжимает икру. — Ты же слышала, что я говорил. И поддакивала... Будешь моей, Тамара.

— Никогда...

— Будешь хотеть меня...

— Не бывать этому!

— Будешь любить...

— Нет!

— Будешь, царица... — нависает, улыбается, гладит по волосам и смотрит одержимо.

— Я распорядился доставить твоё барахло из дома. Там

какие-то книжки. Мать передала твоя. Учебники.

Внутри загорается искорка надежды. Да нет, это даже фейерверк! Учебники!

И в то же время... Вспоминаю про его утренний приговор...

— Мне ими теперь камин разжигать?! Я же теперь неуч...

— Не утрируй. Я сказал, что нужно оформить академ, потому что так пока складываются наши обстоятельства. Твои и мои. Ты теперь без отрыва от меня, Тома. Я же не говорю, что переселю тебя в Афганистан и лишу права читать...

— Я хирург будущий, Демон! Уж не знаю, как в сексе, но в хирургии — так точно теоретическим опытом не ограничишься!

Опять фраза летит раньше, чем я ее успеваю поймать и остановить.

Его чернящие глаза и без того чернеют.

— Опять... Опять беспредел, Тамара... Сразу на столько наказаний... И Демон, и дерзость, и отсутствие благодарности, и опять эта твоя двусмысленная игра слов, словно бы ты куртизанка, а не девственница...

— Уходи, Даниял! Я вообще-то спросонья! Ты меня разбудил! — даю заднюю, потому что рука снова оказывается на моей лодыжке и ползет вверх. Мне это совсем не нравится...

— Это моя спальня... Мы муж и жена!

— Я не буду с тобой спать в одной постели.

— Будешь, Тамара, — снова усмешка мрачная. Он встает

и словно бы порывается лечь рядом, но... в последний момент останавливается.

Играет и забавляется.

Потом протягивает руку и гладит по подбородку.

— Намедни я долго думал о том, как тебя приручить, строптивица. И знаешь, что надумал...

— Наверное, завел в подвале пыточную, — дую губы.

Даниял опять усмехается.

— Мы сделаем это не силой и угрозами, Тамара. Ты безбашенная. Гены водой не разбавишь... Мы сделаем это игрой...

— В смысле? Какие на фиг игры?!

— Все предельно просто, малышка... Ты можешь просить у меня все, что хочешь, я выслушаю, а потом выставлю цену. И тебе придется ее принять.

— А если цена будет слишком высокой? — В процессе торга сможешь отказаться. Но, естественно, без права на то, чтобы снова обратиться с той же просьбой ко мне когда-нибудь...

Я сжала губы. Знаю я его планы.

— Знаешь, можно не обладать супер-умом, чтобы понять, что ты собираешься мне озвучивать. Я скажу тебе, что, конечно же, хочу вернуться учиться, а ты скажешь, что за это я должна раздвинуть ноги перед тобой. Нет уж... Все предсказуемо, Демон...

— Предсказуемо? — усмехается он. — Нет, давай поспо-

рим, что это не так... Я правильно понимаю, что ты хочешь всеми правдами добиться от меня права учиться?

— Да, черт возьми! Реально, гражданка Афганистана, мать его!

— Хорошо, Тамара. Спать тебе за это со мной не придется... Но... кое-что сделать придется...

— Я не дам к себе прикоснуться...

— Без проблем, — разводит руки. — Я к тебе не прикоснусь. И не буду домогаться. Договорились? Если да, я сейчас озвучу условие — и тебе придется согласиться без права на обжалование. Или забудь навсегда про свой институт...

Нервно сглатываю. Ощущение, что меня ведут в западню, не покидает.

Но да, черт возьми... Я говорю да. Потому что мысль о том, что меня лишат мечты, убивает!

Глава 7

Его слова вибрируют в голове монотонными вспышками.

— Тебе всего лишь надо надеть то, что тебе принесут. Как обещал, не прикоснусь к тебе. Но мы поговорим...

Я пытаюсь найти подвох.

Он однозначно есть, иначе бы Демон не был Демоном...

И нахожу...

Потому что когда горничная заносит в комнату пакеты и я их открываю, раздраженно шиплю...

Никакой оригинальности...

Шикарное черное кружевное белье. Идеально севшее. Подчеркивающее все мои покатые аппетитные формы. Я реально никогда не была палкой. Все это непотребство, слава Богу, закрывает пушистая черная шубка. Вообще, жуть какая вульгарщина. Примерно как в тех фильмах в стиле Тинто Брасса.

А с учетом того, что в пакете еще огромные черные лабутены и красная помада в цвет подошвы, мои щеки через какое-то время начинают гореть таким же красным румянцем, в тон помады...

Распускаю волосы. Мне кажется, они хоть как-то защищают, хотя бы психологически прячут.

Когда вижу, как на экране телефона высвечивается «Демон», сердце дико бьется. Он просит спуститься вниз, в ма-

шину. Перед выходом выглядываю в окно — действительно вижу высокий черный внедорожник, дымящий в мороз...

Я выхожу на улицу, не чувствуя холода от бьющего адреналина. Мысль о том, что моя мечта снова у меня в руках, пьянит, снова возвращает ощущение реальности происходящего... Наивной иллюзии, что я могу на что-то влиять...

Демон прожигает меня горячим взглядом, докуривая сигарету стоя у машины. Весь в черном. Какой же для него органичный цвет.

Усмехается и кивает одобрительно.

— Опасная девочка... — бросает сипло и тут же открывает мне дверь, помогая залезть в высокое авто. Потому что ступенька реально высока, моя нога в раскрывшиеся полы шубы оголяется, открывая линию чулка. Бьюсь об заклад, что он ее видит.

— Куда мы едем? — спрашиваю, невольно любуясь им. Нет, не потому что он мне нравится. Просто Демон и правда хорошо собой. Жаль только, что характер у него такой ужасный...

— Ты сама говорила, что этот дом — проходной двор, Тома. Едем туда, где поспокойнее...

Ответ, мягко говоря, не особо информативен, но делать нечего. Везет так везет.

Когда заезжаем в какой-то уютный, дорогой на вид коттеджный поселок на берегу моря, смотрю с интересом. Это не ресторан и не гостиница... Уже хорошо, что обойдемся без

всех этих клишированных сюжетов из эротических фильмов. Тьфу ты, опять в голове Тинто Брасс. Главное, ему об этом не сказать, этому извращенцу...

Мы останавливаемся у шикарного дома. Вот такого, который прям вау. Или как принято сейчас говорить, идеальный дом из Пинтереста. Что это, интересно? Неужели все-таки бутик-отель?

Снова услужливо помогает выйти из машины и ведет по красивой дорожке, засаженной колосистыми цветами в ракарях, к эффектной входной группе.

Все-таки частный дом...

— Добро пожаловать, Тамара, — произносит он, и я вздрагиваю, потому что дверь за мной хлопает...

Оборачиваюсь, вмиг теряя и уверенность, и... убежденность, что смогу одержать победу.

— Где мы?

— Это наш дом, — говорит невозмутимо. — Я взял на себя смелость воссоздать твои фантазии.

Зависаю на его словах, хлопая ресницами. В смысле?

Он усмехается моему недоумению.

— У всех в пинтересте есть свой аккаунт. Особенно целеустремленные ребята сохраняют картинки, тщательно сортируя их. Я ознакомился с твоим выбором, девочка моя. И... решил сделать все то, о чем ты мечтала...

— Даниял, я...

— Тише, — перебивает меня. — Ты же не думала, что я

оставлю тебя жить в моей казарме с ребятами?

Подходит близко. Смотрит пристально.

— Просто ты пока не готова жить тут. Потому и экскурсии сегодня не будет.

— В смысле? Ты привез меня в мой будущий дом и отказываешься его показывать?

Даниял так близко, что я чувствую его дыхание на своей макушке. Он дышит тяжело и глубоко.

— Мы здесь для другого... Помнишь? Правила не изменились. Никаких рук. Никаких неприличных в твоём понимании действий... Только разговор...

— Зачем я тогда... в таком виде... — нерешительно висну я, на что он снова усмехается.

— Пойдем, Тома, покажу тебе свой кабинет.

Мы проходим вглубь дома, минуя шикарную гостиную, которую я хочу рассматривать снова и снова. Там, черт возьми, даже картины любимых или приглянувшихся мне художников. И он сейчас не дает мне права это рассмотреть!

Заходим в просторную комнату. Кабинет. Шикарный. В стиле тех, что у итальянских мафиози... И снова почему-то мысли о Тинто Брассе...

Демон проходит к бару, оставляя меня в нерешительности топтаться на входе. Открывает коньяк и наливает нам два бокала.

Подходит к своему широкому дубовому столу, садится и небрежно кивает мне, мол, подойди...

Каблуки неровно отстукивают по паркету. В этом закрытом пространстве я совсем себе не принадлежу и совсем лишилась последней решительности.

Когда ровняюсь с ним, он ниже. Сидит и смотрит на меня снизу вверх, но в этом взгляде только превосходство, контроль и... одобрение. Ему нравится, что он видит...

Его рука тянется к застёжке на шубе. Он открывает ее, она летит вниз...

Я тяжело и порывисто дышу. Потому что он впервые видит меня вот такой откровенно обнаженной.

Не переживай, Тома. Держи лицо. Представь, что ты в купальнике... Все в принципе прикрыто...

Прикрыто, мать его... Как он смотрит. Как жжет мое кружево глазами!

Дыхания почти не хватает, когда он ловко подхватывает меня под ягодицы и усаживает перед собой на стол.

Кусаю губы, чтобы не закричать, когда берет меня за лодыжки и приземляет ступни на каблуках на ручки своего полового кресла, сидя на нем.

Это бессовестно откровенно и вульгарно. Хуже только — сидеть перед ним на гинекологическом кресле!

— Не паникуй, Тома... — шепчет сипло Демон. — Ты очень красива...

Больше не трогает. Только смотрит, отпивая из бокала. Протягивает мой мне.

— За нас, — произносит тост и заставляет отпить щип-

лющую губы янтарную жидкость. — За наше прошлое и будущее...

Я молчу, но пью. Надеюсь, алкоголь немного меня расслабит...

— Ты знала, что у меня есть все твои фотки в купальнике со всех отдыхов?

Шокированно смотрю на него.

В смысле?

— Я подкупал твоих подружек или кого-то из прислуги, чтобы они мне снимали или пересылали то, что ты снимала...

— Это... это... — возмущаюсь я.

— Это говорит о том, как я на тебе всегда был помешан... Тебе должно это льстить...

За счет каблуков подъем моих ступней просто астрономически высокий! Мне неудобно — и эта поза заставляет меня еще сильнее раскрываться.

Он нагло прохаживается глазами по моей промежности, обтянутой черной тканью...

— Ты такая еще маленькая, моя девочка Тамара... — усмехается, а сам становится еще более напряженным. — Строишь из себя взрослую, а сама... юная и неопытная... Это дико заводит...

Не дожидаясь его тоста очередного, снова делаю решительный глоток. Мозги, давайте, плавайте... Чтобы щеки так ярко не горели...

— Сейчас, Тамара, я покажу тебе, как легко можно быть обманутой взрослым мужчине молодой самоуверенной девочке...

— Ты... ты не исполнишь обещание? Будешь меня... трогать? — алкоголь наконец пьянит. И я даже не знаю... Насколько готова сопротивляться...

Он смеется. Звонко, заливисто и демонически соблазнительно...

— Трогать женщину, Тамара, можно не только руками, но и словами... И поверь мне, это намного более эффективно...

Глава 8

Все мое тело — во вспышках. Оно загорается в каждой клетке, вибрирует, пульсирует...

Не касается руками, но касается словами и взглядом. Каждая вибрация в его голосе — это удар под дых, это тысячи микровзрывов между ног, это... странные, непонятные мне доселе эмоции...

Я сижу перед ним, как на витрине. Расслабленный, опасно спокойный. В этом и есть его жестокость. Коньяк поблескивает в бокале, свет лампы скользит по его пальцам.

— Ты думаешь, я сейчас начну говорить пошлости? — вдруг тихо спрашивает он.

Я сглатываю. Молчу.

— Нет... — усмехается. — Я буду говорить правду. А вот это, Тамара, намного хуже и опаснее для такой девочки, как ты...

Он откидывается назад. Взгляд перестает быть хищным. Становится... тяжелым. Слишком личным.

— Я с ума по тебе схожу давно.

Мои плечи вздрагивают, будто от сквозняка.

— И я не про это примитивное — как выросла... — сразу добавляет он, будто читая мысли. — С того, как ты впервые посмотрела на меня так, будто я не просто «часть семьи». Нет, Тома. Грубая, но правдивая пословица... Сучка не за-

хочет — кобель не вскочит... И не ври мне, что наш интерес не был взаимным... Я бы никогда не осмелился делать первый шаг, если бы не чувствовал, что исходит от тебя. Какой жар...

Он делает паузу. Я чувствую, как внутри что-то болезненно сжимается.

— Твой выпускной, — говорит он негромко. — Помнишь?

Помню.

Как сейчас помню.

— Ты стояла на лестнице в том дурацком голубом платье. Слишком простом для тебя. Слишком закрытом. Слишком красноречиво обтягивающем все твои шикарные формы, которые никто не трогал... Никто не ласкал... Я смотрел на тебя и облизывался — это все мое... Будет мое... Уже мое... А еще ты смеялась так... искренне. Я тогда подумал, что если подойду ближе — испорчу момент. А если не подойду — испорчу себе жизнь.

Он коротко выдыхает, будто признается в чем-то постыдном.

— Ты потом искала глазами родителей. А я ловил себя на мысли, что хочу, чтобы ты искала меня...

Я не могу смотреть ему в глаза. Мне слишком жарко. Слишком тесно в собственной коже.

Он прав, конечно. Демон всегда меня волновал. Старше, красивый, со своей личной жизнью. В таких всегда влюбля-

ются сразу и без поворотов...

— А шашлыки? — продолжает он. — Когда мы ездили семьями. Ты всегда садилась чуть в стороне. С книгой. Делала вид, что тебе неинтересно, что брезгуешь вот такой незатейливой кавказской забавой, а сама слушала каждый разговор, каждую сплетню.

Он усмехается — мягко, почти нежно.

— Я тогда жарил мясо и думал только о том, как ты облизываешь губы, когда пьешь сок. Не потому что это красиво. А потому что ты забываешься. Становишься настоящей. Я фантазировал, Тамара. Пошло, откровенно, скандально... Марал тебя в своей голове порочными образами, не в силах оторвать взгляда от твоего лица, измазанного ненароком жиром и соком мяса...

Он наклоняется вперед. Совсем немного. Но этого хватает, чтобы я перестала дышать. Зато его дыхание стелется по моей коже.

— Я помню, как ты однажды заснула в гамаке. Все ушли, а я остался. Сидел напротив и сторожил твой сон, как идиот. Боялся, что ты проснешься — и увидишь во мне то, что видеть нельзя. Ты пошевелилась. Халат задрался — и оголил твою стройную восемнадцатилетнюю ножку... У меня так в паху прострелило, Тома... Этот образ твой в гамаке... — он прикрывает глаза. — На свете нет ничего сексуальнее для меня...

Боже, замолчи... Замолчи немедленно...

— Даниял... — мой голос дрожит. — Зачем ты мне это говоришь?

Он смотрит прямо. Больше не улыбается.

— Потому что я устал врать, Тома. Устал скрываться. Стесняться. Даже сейчас ты вынуждаешь меня это делать, хотя моя...

Он встает. Медленно. Я чувствую его рост, его присутствие — всей кожей.

Но он не прикасается.

— Я сходил по тебе с ума тихо. Долго. Аккуратно. А теперь... — он останавливается совсем близко. — Теперь я не хочу быть аккуратным. Хочу быть честным.

Я чувствую, как по спине бежит дрожь.

Ловит мой страх.

Наклоняется к моему уху, но между нами все еще есть воздух.

— Сегодня, Тамара, я не буду тебя трогать. Потому что если начну — остановиться не смогу. Но вот ты себя потрогаешь...

Он чуть отодвигается.

— А теперь скажи мне... — его голос хриплый, низкий. — Я все это время сходил с ума один?

Я молчу, закусив губу. Если признаюсь сейчас... Не знаю, какую плотину это прорвет...

Он выдыхает хрипло и нетерпеливо...

— Молчишь... Тогда проверим... Засунь свой пальчик в

трусики и потрогай себя... При мне...

— Даниял...

— Тамара, — предупреждающе говорит. — Делай, что я говорю. Ты ведь хочешь в институт...

Я пунцовая, конечно... И эта помада красная на губах, которую всю я почти съела...

Наверное, алкоголь в голове вибрирует. Так или иначе, но... я делаю, что он говорит.

Отодвигаю резинку трусов. Трогаю... Чувствую сочащуюся влагу...

— Покажи... — шипит он.

Прикрываю глаза, когда вытаскиваю два мокрых пальца.

Он со стоном выдыхает.

Я жмурюсь. Нет сил смотреть ему в лицо — мне стыдно.

Вскрикиваю, когда чувствую, как на мое белье именно там, в месте, прикрывающем промежность, ложатся несколько капель...

Это коньяк... То, что он не допил. Просто взял и... вылил эти капли туда...

Ощущения дикие...

Я вся дрожу...

Грудь ходит ходуном.

И у меня, и у него...

Резко откатывается на стуле и отворачивается.

— Мы заигрались... Пора ехать обратно, — произносит, прокашлявшись. — Завтра позвонишь в универ и погово-

ришь с деканом. Про очку не проси, но на заочном и дистанционном с разумной практикой я вернуть тебя готов. Иначе нельзя, Тома. Это в нынешних моих условиях небезопасно. Я просто не смогу отпускать тебя каждый день на занятия...

— Спасибо и на этом, — соглашаюсь на компромисс. Еще час назад у меня не было ничего...

А еще час назад кожа между ног так дико не горела...

Я быстро прячу себя в шубу. Даже в прогретом салоне авто все равно знобит...

Возвращаемся быстро в его второй дом.

В спальню сегодня он не приходит...

Глава 9

— В смысле я не могу поехать? — раздражение пульсирует в легких накатами. Пытаюсь поймать взгляд его отшибленных охранничков — и дико бешусь от их аморфной твердолобости.

У меня встреча в университете с профессором через сорок минут.

— Даниял Рамилович не давал указаний на этот счет.

— Он должен давать указания на каждый мой чих?! Я что, в магазин тоже права выехать не имею?!

Раздраженно набираю ему. В груди пожарище. Подленький гад! Это он нарочно!

— Слушаю, Тома, — отвечает спокойно и расслабленно. Словно бы вчера между нами не было всего того дикого непотребства и пожарища. Ждал моего звонка. Я уверена, что прекрасно понимает, что это я звоню...

— Твои люди не желают меня выпускать из дома, машину

не дают.

— Сама за рулем ты больше не ездешь, Тамара, — отвечает, сделав затяжку, — я слышу этот его маневр, — это небезопасно. Водителя я тебе дать могу. И охранника. Но правила ты знаешь...

А вот тут у меня просто воздух совсем в легких заканчивается! Вот же гад! Правила я знаю! Уродец! Как он так со мной?! Опять вокруг пальца обвел.

— Что ты хочешь? — вымученно выдыхаю.

— Все то же, Тома. Трогать не буду, — усмехается он и снова делает затяжку. — Скажу тебе «да», но у меня встречное условие. Мне нужно сейчас ехать в универ. Меня человек уважаемый ждет.

— То есть ты просишь в аванс, — издевается откровенно. — Хорошо, Тома. Для тебя я щедрый. Поезжай в институт, а потом тебя привезут ко мне в офис. Договорились.

Не дает как-то отреагировать. Бросает трубку, а я так и застываю по центру, чертыхаясь. Уродство...

Мы тут же выезжаем. Скатертью дорожка, так сказать...

К своему сожалению, быстро решаю все дела в университете. Хотела бы еще потянуть, а не получается. Вениамин Викторович уже обо всем предупрежден, поздравил меня со свадьбой и, как говорится, вошел в положение. Практика за мной в одной из столичных клиник. Часть занятий на дистанционке, часть заочно. Не то, о чем я мечтала, но... может, оно пока так даже лучше — скандал с шоу на моей свадьбе, должно быть, далеко разошелся. Ведь на ней и однокурсники были. Просто не хочу сейчас ничего никому объяснять...

— Тамара Заурбековна, Вас Даниял Рамилович ждет у себя в офисе, — напоминает мне один из громил.

Я ничего не отвечаю, но смиренно сажусь в салон. Уговор есть уговор.

Доезжаем тоже, к сожалению, быстро. Никогда еще тут не была. Шикарно. Много дерева, кожи, темного люкса. Совсем не современный офис у этого Демона. Я почему-то не удивлена...

Проходим внутрь. У помпезных дверей в его кабинет сидит красотка с большими губами и грудями. Она так оглядывает меня из-за своего секретаршьего стола, что внутри все переворачивается в неприязни. Он с ней спал. Точно. Такие

нанимаются на такие места для одной цели.

— Даниял Рамилович пока занят, — выдает без приветствия.

Я смиряю ее убийственным взглядом. Жалею, что нарочно оделась максимально скромно для универа — в бесформенную куртку и простые джинсы, волосы в пучок заколола и ноль косметики. Таких надо приземлять одним своим видом, не оставляя шансов...

Прохожу и резко открываю дверь без стука.

Черт, правда занят. Сидит с мужчиной примерно его возраста. Такой же мрачный и сосредоточенный. Тот же контроль в глазах, та же выдержка и темная энергетика... Их на одном заводе делают что ли?

Мы трое застываем в немой сцене.

Первым отмирает Демон.

— Познакомься, Мурад, это моя жена Тамара.

— Очень приятно, — встает он и протягивает мне руку. Такой же высокий, как и мой муженек.

— У Мурада свадьба через неделю.

— Пригласил вас обоих, — отвечает он со сдержанной улыбкой. — Было приятно, не стану больше отвлекать тебя от молодой жены.

Это он говорит мне, с вежливым флером на лице. А потом переводит взгляд на Демона.

— Про вечер субботы помнишь, да? Тоже жду...

Слежу за ним глазами, пока дверь не закроется.

— Что вечером в субботу? Идете на дело? Кого-то шлепнуть? — зачем-то сразу обостряю. Мне в целом плевать, что у него там за дела, ничего хорошего, как всегда папа говорил, но... что я могу сделать, если сарказм так и прет изо всех щелей...

— Мальчишник, — подходит ко мне Демон, усмехаясь.
— В стрип-клуб зовет.

Вот же скотина. Произносит и ждет моей реакции. Я держу лицо, хоть мне почему-то жуть как неприятно... Пошел вон... Не хочу, чтобы он видел мои эмоции...

Подошел очень близко. Внимательно рассматривает.

— Что, Даниял, не нравлюсь без косметики? Может, лучше переключиться, пока не поздно, на эту губасто-сисястую шлюху в приемной?

Он ржет. Опять раскатисто и искренне. И возбужденно.

— Поздно, Тома. Совершенно точно, уже поздно... — кладет руку на мою талию. — Ох...ная...

Обжигает меня своими словами по скулам.

— Без косметики еще красивее... Про уговор помнишь... Ты мне должна... Еще и с процентами с учетом аванса...

— Делец хренов... — выдыхаю я обреченно.

Он сильно сжимает мою руку и дергает на себя.

— Ты обещал, что без прикосновений...

— Да, — снова смешок. — Моих к тебе...

И тут происходит нечто совершенно непотребное.

Он дергает ширинку и... Я даже смотреть туда вниз не могу. Там нечто огромное!

— Никто не говорил про твои прикосновения ко мне, Тома... Уже много месяцев мучаюсь. А после вчерашнего... Совсем не спал... В кабинете очень неудобный диван... А в нашу общую зайти не могу... Я же растерзаю тебя... — водит носом по моей щеке. Остро... Внутри все кипит от переполняющих эмоций... — Придется тебе хоть как-то мне помочь... Тронь его...

Он накрывает мою руку своей и заставляет обхватить ствол. Ужас... Я просто представить не могу, как это может...

Выдыхает со свистом.

— Вот так... Сама теперь зажми... Чтобы без моих прикосновений. Вверх и вниз, Тома. Снова и снова... Не бойся...

— Это не поместится в меня, — произношу с расширенными зрачками. — Определенно...

— Определенно еще как поместится, — хихикает и дер-

гает на себя. — То, что он такой большой, горячий и дымящийся в желании оказаться в тебе — определенно тебе понравится, девочка моя...

Я чувствую влагу на его члене. Я в шоке от всего, что сейчас происходит. На ощупь он совершенно живой... Мощный... Словно бы живущий своей жизнью...

Дышу рвано. Болезненно. Всхлипами...

— Смотри на меня, Тома, — смотри...

Подсказывает, что нужно нарастить темп. Я и сама уже смотрю на него заворуженно... Пульс зашкаливает... Боже, это так пошло...

— Тамара... — шепчет сдавленно и... в этот момент я чувствую горячую влагу на своей ладони. — Девочка моя...

Это так дико и пошло, что не хватает слов.

Я то смотрю в ужас вниз, то на его совершенно одержимый, неменяемый взгляд...

В ушах гудит.

Не знаю, сколько мы так стоим.

Но прихожу в себя, когда он заводит в ванную и сам берет мою руку, ловя совершенно потерянный шокированный взгляд в зеркале.

— Молодец, Тома. С процентами отработала... И нет, малышка, с Кариной я не спал...

Глава 10

Вылетаю из его кабинета, как ошпаренная. Просто кошмар, что сейчас было... Он развращает меня. Пугает. Притягивает... Разве может быть одновременно так сложно и так противоречиво с мужчиной?

На губастую идиотку не смотрю. Щеки горят. Мне кажется, все сейчас поймут мое состояние, все сейчас знают, что мы там делали в кабинете...

Именно поэтому сжимаюсь и вдавливаюсь в дверь на заднем в машине, избегая минимального зрительного контакта с сопровождавшими меня мужчинами. Кажется, что он надел на меня поводок, что нет ни минуты для того, чтобы выдохнуть и почувствовать себя хотя бы на толику независимой и самостоятельной... И это говорю я, дочь отца, которого в современном мире принято называть контроль-фриком!

Уже в машине получила от него сообщение. Сначала даже открывать боялась — решила, это опять какая-то пошлость, которая заставит меня думать о ней целый день, но... когда увидела первой всплывающей строкой, что он пишет, что его не будет два дня и я могу их посвятить учебе, отлегло... Мне

нужно было это время собрать себя. Мысль о том, что после случившегося придется смотреть ему в глаза, вгоняла в краску и жар...

В этих мыслях незаметно доезжаем до дома. Громилы помогают открыть мне дверь. Краем глаза ловлю на ладонях обоих, между указательным и большим пальцами, небольшую татуировку. Что-то вроде звезды... Странное...

Заскакиваю в дом и чуть не сношу Калимат, у которой в руках большое блюдо. Снова гости? Снова на стол накрывает? Этот гигантский дом с кучей народу вечно живет своей жизнью! Это тоже бесит! Никакого личного пространства! Даже в своей комнате я шугаюсь от каждого шороха! Боюсь, что он придет и «разорвет», как сказал... Его дикие глаза все еще передо мной. Я все еще отчетливо, до мельчайших деталей вижу, как искажалось его лицо в страстном порыве, как он сходил с ума, когда я делала это ему. Хотелось смотреть в эти глаза снова и снова... Хотелось в них тонуть... Хотелось... Господи, я уже сама не знаю, чего мне хотелось...

— Ты что такая шебутная? — окликает меня, буркнувшую «простите», тетя Калимат. — С Даниялом поссорилась?

— Разве с ним для этого нужно ссориться?! Как в этом

доме не быть шебутной?! Тут проходной дом! — вырывается из меня.

Калимат тяжело вздыхает.

— Иди на кухню, Тома. Кофе свари и тебе, и мне. Как я тебя учила. Как раз посмотрим, как ты варишь...

Если бы это была не она, я бы точно послала бы ее. Но теперь Калимат вызывает у меня непреодолимую симпатию вопреки всему. И потому я делаю то, что она говорит. Все по рецепту. И даже нахожу в этом определенный кайф. Что ни говори, а кухня в этом доме роскошная, и я уже прочувствовала ее прелесть, пока готовила хинкал. И турка сейчас в моих руках наипрекраснейшая — изящная, инкрустированная тонкой резьбой по меди. В такой заваривать ароматный густой напиток — одно удовольствие.

Я начинаю с холодной воды, вот прям ледяной. Так вкуснее. Наливаю в турку, оставляя на два пальца ободок. Затем кофе. Очень мелко помол, почти пудра, темнее ночи, бархатный на вид. Я всыпаю его в воду, и он сначала лежит островком, не желая тонуть. Запах поднимается сразу — густой, горьковато-шоколадный, с обещанием бодрствования и тепла.

Калимат, как и я, любит с сахаром. Добавляю его совсем немного. Ровно столько, чтобы он не был сладким, а стал мягче, округлее, словно голос, пониженный на полтона. И только теперь я беру ложку и медленно, один-единственный раз, размешиваю все до гладкой, темной однородности. После этого ложка больше не нужна. Как говорила тетя Калимат, когда учила, все важное уже произошло...

Ставлю турку на самый маленький огонь и жду. Кофе не терпит суеты. Это тоже наставление от тети Калимат. Я смотрю, как поверхность постепенно темнеет, как появляется тонкое кольцо, как запах становится глубже, теплее, почти осязаемым.

И вот, словно бы сбегая от разгоряченных стенок меди, начинает собираться от краев пенка. Сначала нежная, с микропузырьками, потом гуще, плотнее, цвета горького какао. Я знаю этот момент — когда она начинает подниматься, но еще не думает убежать. Я снимаю турку с огня именно тогда, в самую точку, и тут же разливаю кофе по красивым, слегка согретым жаром печи, чтобы не было контраста температур, чашкам. Пенка красиво обрамляет тонкий костяной фарфор. Дым клубится и зовет к напитку...

В комнату заходит Калимат и удовлетворенно оглядывает мою работу... Пробует...

— Молодец, девочка! Вкус у этого кофе — глубокий и честный. Все как нужно! Сначала густая горечь, как темный шоколад. Затем мягкость, тепло, едва уловимая сладость. Он обволакивает язык, задерживается, не торопится уходить. В нем есть тишина раннего утра, медь турки и терпение огня. Такой кофе не пьют, с ним разговаривают. И каждый раз он отвечает чуть по-разному, но всегда — правдой. Узнаем твою правду, Тома? — заговорщицки произносит опытная женщина. — Переверни чашку. Посмотрю твою судьбу...

Я немного тушуюсь, но... любопытство преодолевает. Почему-то хочется верить затаенной в этих глубоких черных пронизательных глазах мудрости. Хочется утихомирить внутреннее смятение...

Я медленно перевернула чашку, дала гуще стечь, как стекает время — неумолимо и без права на возврат. Потом посмотрела внутрь и задержала дыхание.

Калимат улыбнулась и своими теплыми руками забрала у меня чашку.

Какое-то время вертела ее, молча рассматривала...

— Ты уже сделала выбор, — сказала не сразу, а скорее

подбирая слова. — Но судьба твой выбор не приняла.

Я замерла...

— Вот, сюда смотри...

В гуще темнела фигура. Резкая, угловатая, будто вырезанная ножом. Мужчина. Он был не рядом — он нависал. Как тень над дорогой.

— Видишь это пламя? — провела пальцем по краю чашки. — Это страсть. Не та, что греет. Та, что жжет. Он горит тобой, Тамара. Горит так, что сам не знает, спасение это или проклятие. И ты... Ты отвечаешь ему тем же, даже если клянешься себе в обратном.

Гуща складывалась в узор, похожий на узел.

— Вам не будет просто. Никогда. Между вами — кровь, страх, чужие решения, чужие стены. Он — человек войны, даже когда молчит. Он привык брать, ломать, защищать через разрушение. Но рядом с тобой он теряет опору. Ты — его слабость. И его последний шанс...

Калимат наклонила чашку, и темное пятно вытянулось, словно дорога.

— Ты должна выстоять. Не убежать. Не спрятаться. Тебе придется быть сильнее, чем ты думаешь. Спокойнее, чем хочешь. Мягче, чем позволяет гордость. Если ты уйдешь — он пойдет ко дну. Если останешься — вы оба пройдете через боль... но выйдете живыми. Живыми в полном смысле этого слова. Он должен пройти круг грехов своих предков, своих грехов, Тамара. Рядом с ним не будешь светлой... Тоже станешь черной... Но и ты не для тихой жизни. Как и он — не для спокойной любви. Если ты поможешь ему удержаться от тьмы, если станешь его якорем, а не цепью — эта страсть не уничтожит вас. Она станет вашей судьбой.

Какое-то время мы молчали, а потом она вдруг взяла мою чашку, завернула ее, словно бы в котомку, в тканевую салфетку, и убрала в широкий карман своего платья.

— Демоны приходят не за всеми. Только за теми, кто способен выдержать их взгляд. Это я унесу с собой. Не надо больше никому пить из этой чашки...

Ее слова не принесли ни спокойствия, ни гармонии...

Какое-то время мы сидели молча.

Она встала первой.

— Пойду в зал, уберу со стола. Парни, должно быть, уже поели.

— Давайте я помогу.

— Сиди, — махнула она рукой. — Даниял против того, чтобы ты отсвечивала перед молодыми мужчинами.

— Тогда зачем он меня держит в этой казарме?! Здесь некомфортно!

Калимат тяжело вздохнула, обернувшись ко мне.

— Тома, ты ведь понимаешь, что Даниял занимается не продажей сахарной ваты. Его дело требует постоянного контроля и защиты... Эти люди — лояльные ему до крови и костей. Они его опора. И вам сейчас тут быть безопаснее...

— Все дело в том, что он бандит, — выдыхаю я тяжело. — Если бы он занимался честными делами, не нужно было бы ни батальон солдат собирать, ни так себя охранять...

— Все не так просто, Тома. Не нужно лезть туда, куда он тебя не зовет, девочка. Послушай моего совета... Поверь мне, Даниял с тобой совсем другой и все тебе прощает, но...

и у его терпения есть предел. Не переходи те черты, которые будет трудно игнорировать...

— Я ничего не перехожу. Он просто посадил меня на цепь и держит...

— Неправда... Он делает уступки. Ты сама прекрасно знаешь...

Да уж! Знаю я его уступки! Видела! Это она называет уступками то, что он делает со мной?! Знала бы она! Стыдно даже самой думать о том, что узнает! Извращенец чертов!

— Что за татуировки на руках его людей? Может, это какая-то секта? Потому они такие лояльные?

— Не перегибай, Тамара, — устало выдыхает Калимат. — Это знак, да. Но про него лучше тебе самой у него спросить. А вообще, будь помягче с ним. Я же нагадала тебе...

— Что не будет просто, да...

— С такой, как ты, ни у кого не будет просто, Тома! Вы два сапога пара! Потому он так и тянется к тебе! Иди давай! И я пойду!

Вышла из кухни совсем не расслабленная. Напротив, внутри продолжали бушевать дикие эмоции... Хотелось к родителям, хотелось маму обнять. И я в целом даже уже понимала, как суметь к ним попасть, но... мысль о том, что за это снова попросит Демон, какие еще пошлости заставит с собой делать...

В своих мыслях буквально впечаталась в мягкую, я бы даже сказала, рыхлую грудь, выросшую внезапно передо мной. Черт, Дакана! Я же совсем о ней забыла! Забудешь тут — в этом доме-вокзале!

Та в ответ расплывается в гаденькой улыбке.

Уничижительно сканирует мой образ, фиксирует отсутствие макияжа, растрепанные волосы и простенький наряд...

— Мда, Томочка, выглядишь ты, конечно, не как обласканная молодая жена такого интересного, статного мужчины... Что, так быстро в тебе разочаровался? Настолько оказалась пресной и неинтересной? Почему-то я понимала, что будет именно так...

— Кто Вам сказал, что я собираюсь участвовать в диалоге? И уж тем более о своей семье, к которой вы не имеете

никакого отношения.

Она снова зло сверкнула на меня глазами. Позади стояла похожая на нее, как две капли, деваха. Моложе. Дочь, наверное. Видно по оскалу. Такое же подленькое воспитание...

— Не знаю, Тамара, что ты на нас так взъелась... Мы тоже твоя семья... И вообще, открою тебе тайну. В ситуации, когда мужчина теряет интерес к жене и предпочитает любовницу, как раз женщины рода обычно и выступают ее утешением... Она с ними проводит время и хоть как-то себя забавляет, пока он... забавляется с другой, как твой Даниял...

Я презрительно закатываю глаза, чтобы не слушать идиоток, быстро направляюсь к лестнице, но они продолжают источать свой яд.

— Он уехал на два дня, Тамара. С Лайлой. Мы тут все ее очень хорошо знаем. Она с ним уже несколько лет. Не та, конечно, кого делают первой женой, но... второй — вполне... А что ты думала? Он будет долго бегать за твоей юбкой, недотрога стервозная? Есть та, кто приголубит и обласкает... Умелая, спелая, сочная... Не веришь? Сейчас я тебе покажу... Смотри...

И она протягивает ко мне свой телефон...

Глава 11

Я не хочу об этом думать. Не хочу вестись на провокацию змеи, но кровь в венах так бурлит, что хочется либо все поразбивать к чертям в этом демоническом доме, либо сбежать!

Перед глазами скролление ее жирным наманикюренным пальцем — и десятки фото Данияла с шикарной, сочной такой брюнеткой с длинными волосами. Красивая баба, слегка искусственная, с дутыми губами, и грудь у нее очень уж большая и выразительная на фоне узкой талии и объемных ягодиц, но кто сказал, что это плохо, если все поголовно тратят миллионы, чтобы вот так себя кроить?! Дорого одета, локации дорогие... Они в Дубае, на Мальдивах, в красивых ресторанах... Какие-то фото ее отдельные — с букетами и шикарными подарками. В какой-то момент понимаю сквозь гул крови в ушах, что это не просто скрины, это гадина показывает мне ее ленту в одной из соцсетей. И да, их отношения, судя по комментам и протяженности, не два месяца были.

— Зачем мне на это смотреть? — пытаюсь придать своему голосу максимальную пренебрежительность. — Если бы Демон был девственником до меня, зачем он нужен такой,

как я — самой лучшей?

В моем нарочито показном тоне сейчас вся моя выдержка, воля и актерское мастерство.

Но их хватает ровно на столько, чтобы пробежать до комнаты вверх по лестнице и закрыться.

Щеки горят...

В голове некстати многозначительные фразки уже теперь Калимат в день нашего с ней знакомства...

«Не переживай, кофе тебя такой научу варить, что он выпьет и в его гуще увидит, что кроме тебя в его жизни больше не может быть других женщин. Всех лесом пошлет... И самых красивых, и самых умелых, и самых бесстыжих...»

Так она это, значит, не метафизически... Это реально про эту... Лайлу... Все про нее знают. Все затаились в ожидании, когда он наиграется новой молодой игрушкой и та снова появится на горизонте...

Появилась, видимо, раз Дакана смотрела с таким снисходительным превосходством сейчас...

Беру телефон, раздраженно кусая губу, потому что я дура, да! Вспыльчивая — и ничего не могу с собой поделать! Раскрытая на нужной главе книга по анатомии так и лежит. Смотрю в текст — и вижу накачанные ягодицы Лайлы вместо иллюстраций!

— Ты где? — пишу ему зачем-то.

Читает сразу, но отвечает с паузой.

— Неважно. Что-то нужно?

Вот же урод!

— Я хочу к родителям! — пишу с восклицательным знаком. Злость сейчас меня порвет изнутри.

Молчит, хоть и читает! Читает, гад! МОЛЧИТ!

Набираю ему. Нет уж, я так это не оставлю! Какого фига я должна тут сидеть в одиночестве! В его чертовой казарме?! А он там с Лайлами развлекается?

Не берет.

Откладываю телефон. Пытаюсь продышаться...

Но нет, куда там.

Перед глазами пелена.

Открываю то самое пресловутое приложение в соцсетях, в котором у меня, конечно же, как у приличной девушки, есть только один фейковый профиль, через который я всех палю. Ну, а как в нашем мире иначе? Захожу, вбиваю комбинации, напрягая мозг и пытаюсь вспомнить, какая там незамысловатая аббревиатура у этой сисясто-попастой в никнейме. Нахожу! Вот же гадина! У нее под сто тысяч подписчиков! Наверное, так он на нее и вышел. Говорят, сейчас так любовниц и находят — они специально делают свои странички в соцсетях виральными портфолио. Посмотри и выбери. Рынок наложниц в гарем, мать его!

Сердце пробивает удар. Новое фото. Ему всего четыре часа. Салон авто. Я не большой эксперт, но и сама вижу — черная кожа, затемненная против всех правил закона лобовуха джипа и... на зеркале заднего вида висит небольшой стеклянный сосуд с нишевым ароматизатором... Это машина Демона...

«Выбрались с любимым на природу после разлуки. Соскучилась по твоему темпераменту»...

Сука...

И он, и она.

Ненавижу...

Снова набираю. Грудь в щепки. Это потому, что я не сплю с ним? Нужно выливать свой спермояд?! Это он думает, что я буду все это терпеть?! Да лучше бы он застрелил на свадьбе вместо меня!

Снова звоню ему. Сбрасывает.

Я опять набираю.

Буду звонить, пока телефон не сломается!

— Что, Тамара? — с десятого гудка энного звонка все же отвечает раздраженно. — Что неясного в фразе «я занят»? У тебя конец света.

Да, мать твою! У меня армагеддец!

— Я уезжаю к родителям, — говорю сипло. У меня стекло в горле. Больно... Почему, мать его, так дико больно... Как

он мог так со мной... Почему у таких мужчин всегда так?! Ведь знала я инстинктивно, что нельзя связываться с такими... И не связалась бы, если бы он сам меня не вытащил из моего мира насильно...

— Тамара, — закуривает опять. Буквально представляю его лицо. Как сжимает губами тонкую сигарету и выпускает дым... — мы это уже обсуждали. Ты не поедешь сейчас сама к родителям. Дождись меня и все обсудим. В чем проблема? Заняться нечем? Так у тебя вроде как учеба. Для чего я книги притащил? Если не хочешь учиться, возьми ребят и поезжай на шоппинг... Но хватит, блядь, мне сейчас названивать и создавать проблему на ровном месте! Я реально занят!

Я бросаю трубку.

Не осознаю в моменте, что из глаз брызжут слезы.

Он сейчас реально занят.

С другой бабой!

Тварь!

Дышу. Глубоко и медленно. Я сильная, да. Я приду в себя. Не сломает он меня. Не унижит... Слава Всевышнему, я

не дала ему себя взять! Было бы еще больнее оказаться попользованной...

Шоппинг, значит?! Он отправляет меня на шоппинг?! Ну, хорошо... Я поеду с его ребятами на шоппинг...

Спускаюсь вниз, оставляя идиотский телефон в комнате. Теперь сам пусть звонит мне, а я не буду брать. Урод.

Нахожу на заднем дворе тех двух громил, что он ко мне приставил. Качаются на турнике. Энергию им мужскую девать некуда. Ничего, ребятки. Сейчас мы вашу энергию пристроим...

— Мне нужно в магазин, — произношу смело, глядя в глаза каждому из них.

Они даже теряются от такой моей наглости. У нас вот так смотреть не принято. Зато, наверное, принято сносить измены мужей и молчать в тряпочку... Нет, этого не будет...

— Едем на Елисаевскую, — говорю я уже в авто.

Из области доезжаем в центр за сорок минут. Указываю на парковку возле знаменитого, культового магазина женского белья и прочих горячих штучек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.